

ВАЛИЕВА Кристина Вячеславовна,
магистрант, Новосибирский юридический институт (филиал)
Томского государственного университета, Новосибирск, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ВКЛЮЧЕНИЯ В КОНКУРСНУЮ МАССУ ОТДЕЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Аннотация. Работа посвящена проблематике включения в конкурсную массу отдельных видов объектов. Одна группа проблем связана с особой правовой природой объектов, с тем, что они появились в правовой системе недавно в связи с цифровизацией. Это, прежде всего, цифровые финансовые активы и цифровая валюта, в частности, криптовалюта. Автор делает вывод о пробелах в законодательстве в части регулирования порядка выявления среди имущества должника таких активов, их оценки, реализации на торгах. Другая группа проблем формирования конкурсной массы связана с изначальной спецификой ряда объектов, неопределенностью их правового режима. Это касается, в частности, объектов интеллектуальной собственности. Предлагается устранить правовые пробелы, разработав недостающие нормы права. В рамках вопроса о включении в состав конкурсной массы заложенного имущества уделено внимание проблематике режима имущества, являющегося обеспечением по договорам об открытии возобновляемой кредитной линии. Предложены варианты решения спорных вопросов.

Ключевые слова: конкурсная масса; состав конкурсной массы; банкротство; криптовалюта; цифровая валюта; интеллектуальная собственность; заложенное имущество.

VALIEVA Kristina Vyacheslavovna,
master's student, Novosibirsk Law Institute (branch)
of Tomsk State University, Novosibirsk, Russia

PROBLEMS OF INCLUSION OF INDIVIDUAL CIVIL RIGHTS OBJECTS IN THE BANKRUPTCY ESTATE

Annotation. The paper is devoted to the problem of inclusion of certain types of objects in the bankruptcy estate. One group of problems is related to the special legal nature of these objects, with the fact that they appeared in the legal system recently in connection with digitalization. These include, first and foremost, digital financial assets and digital currency, particularly cryptocurrency. The author concludes that there are gaps in the legislation regarding the regulation of the procedure for identifying such assets among the debtor's property, their valuation, and sale at auction. Another group of problems in the formation of a bankruptcy estate is associated with the initial specificity of a number of objects and the uncertainty of their legal regime. This applies, in particular, to intellectual property objects. It is proposed to eliminate legal gaps by developing the missing legal norms. In the context of the issue of including pledged property in the bankruptcy estate, attention is paid to the issue of the regime of property that serves as security under agreements on opening a revolving credit line. Options for resolving these contentious have been proposed.

Key words: bankruptcy estate; composition of the bankruptcy estate; bankruptcy; cryptocurrency; digital currency; intellectual property; pledged property.

Вопросы включения в состав конкурсной массы (далее также – КМ) того или иного имущества являются важными для всего гражданского оборота. Актуальность возрастает в связи с цифровизацией и появлением новых объектов гражданских прав: цифровых финансовых активов и цифровой валюты, криптовалюты. В целом, такие объекты получили законодательное закрепление. Однако в рамках института несостоятельности (банкротства), сохраняются пробелы. Если среди имущества должника есть, допустим, криптоактивы, арбитражному управляющему необходимо их выявить и включить в конкурсную массу. Возникает вопрос о выявлении таких акти-

вов, определении их стоимости (оценки), порядке реализации на торгах. Соответствующие правовые нормы отсутствуют.

В статье также будут затронуты вопросы, связанные с включением в КМ объектов интеллектуальной собственности и заложенного имущества. Такие объекты хоть и появились достаточно давно, но их включение в конкурсную массу имеет сложности, обусловленные спецификой их правового режима.

Можно говорить о специальном режиме конкурсной массы как имущественного комплекса, так как в её состав включается различное имущество в широком смысле, то есть не только

вещи, но и имущественные права. «Однако даже в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) термин «имущество» подразумевает различный состав объектов гражданских прав, в то время как официальное его толкование в гражданском законодательстве отсутствует» [1, с. 104]. Все объекты из перечисленных в статье 128 ГК РФ, за исключением разве что нематериальных благ, могут включаться в состав КМ.

Наряду со стандартным имуществом (недвижимость, оборудование, автомобили и т.п.) в эпоху цифровизации в состав КМ подлежат включению и иные объекты. В.Ф. Попондопуло отмечает, что в орбиту имущественной базы для расчетов с кредиторами вовлекается всё более широкий спектр активов должника, которые ранее не рассматривались как потенциальные источники погашения долговых обязательств [2, с. 45]. Несомненно, такое положение вещей вызвано необходимостью, продиктованной эпохой цифровизации, развитием экономики.

Новеллой в российском законодательстве стало принятие федерального закона от 31.07.2020 №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту – Закон о ЦФА). Определение цифровых финансовых активов (ЦФА) закреплено в ч. 2 ст. 1 названного Закона, это «цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске ЦФА в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы» [3, ч. 2 ст. 1].

Остаётся много дискуссионных вопросов, связанных с правовой природой и оборотом ЦФА. Судя по тому, как сформирована статья 128 ГК РФ, законодатель относит ЦФА к иному имуществу. По своей природе ЦФА в определенной степени схожи с бездокументарными ценными бумагами. «В экспертном заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства указано, что существенным признаком отличия цифровых прав от бездокументарных ценных бумаг является отсутствие в информационной среде посредников (регистраторов, депозитариев). Действительно, транзакции с криптовалютой производятся без участия посредников, в них нет необходимости в виртуальном пространстве» [4, с. 41].

Определение цифровой валюты также даёт Закон о цифровых финансовых активах в ч. 3 ст. 1. Закон о банкротстве прямо не регулирует вопрос включения в состав конкурсной массы циф-

ровой валюты, ЦФА. В целом, конечно, названные объекты признаны объектами гражданских прав, хоть и оборот цифровой валюты в определенной степени ограничен на территории Российской Федерации, что закреплено в нормах статьи 14 Закона о ЦФА.

Сложность включения в состав КМ таких нетипичных новых объектов гражданских прав проявляется в следующем. Их особая правовая природа требует и отдельного законодательного регулирования, чего в настоящее время нет. Эту проблему выделяют Ю.А. Гартин и Н.В. Авдеев, отмечая, что ключевая проблема заключается в фундаментальной правовой неопределенности. Так, гражданское законодательство (ст. 128 ГК РФ) лишь в общем виде упоминает криптовалюту, относя ее к «иному имуществу» [5, с. 218].

В связи с тем, что криптовалюта и иные схожие объекты не имеют ни единого эмитента, ни централизованной системы учета (например, какого-либо реестра), ни персональной определенности владеющего субъекта, поиск и выявление таких объектов в целях включения в состав КМ должника затруднителен. Арбитражный управляющий может направить запросы самым популярным платформам онлайн-кошельков для поиска активов должника, однако это не даёт гарантии результата, так как не урегулировано законодательно. Действующий арбитражный управляющий Пугачева Т.М. в своей научной статье тоже выделяет такую проблему и называет способы, которые арбитражные управляющие используют на практике для выявления криптоактивов: «анализ банковских выписок на предмет транзакций с криптобиржами, проверку декларирования доходов в налоговых органах, направление запросов в криптовалютные биржи, а также привлечение специализированных организаций, осуществляющих поиск криптовалют» [6, с. 226].

Знаковым стало Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 №09АП-16416/2018 по делу №А40-124668/2017. Финансовый управляющий должника обратился в суд с ходатайством о разрешении разногласий, а именно с требованием включить содержимое криптокошелька, находящегося в сети Интернет по адресу www.blockchain.info, в конкурсную массу гражданина – должника Царькова И.И., и обязать Царькова И.И. предоставить финансовому управляющему доступ к криптокошельку (передать пароль). Суд первой инстанции (Арбитражный суд города Москвы) отказал финансовому управляющему в удовлетворении требований. Апелляционная инстанция отменила определение суда первой инстанции. Криптовалюта была включена в КМ [7].

В целом, судебная практика идёт сейчас по пути признания криптовалюты частью КМ должника, однако практические проблемы остаются. Так, помимо сложностей с поиском и выявлением криптовалюты, отсутствуют меры воздействия

на должника, отказывающегося передать финансовому управляющему ключ доступа к криптокошельку. Самостоятельно управляющий получить такой доступ не может, отсутствуют соответствующие механизмы. В результате криптовалюта может так и остаться за пределами КМ. Указанный правовой пробел отмечает Т.П. Шишмарева [4, с. 40-41]. В таких случаях налицо – недобросовестность должника. Если поведение гражданина в рамках дела о банкротстве было добросовестным, то при завершении процедуры реализации имущества гражданин освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов, в том числе требований, не заявленных в процедурах банкротства. Есть определенные исключения – требования, от исполнения которых гражданин в любом случае не может быть освобожден (например, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью), но сейчас не об этом. П. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве закрепил, когда вообще не допускается освобождение гражданина от обязательств. Один из таких случаев – гражданин не предоставил необходимые сведения или предоставил заведомо недостоверные сведения финансовому управляющему или арбитражному суду, и это обстоятельство установлено соответствующим судебным актом, принятым при рассмотрении данного дела о банкротстве. Если гражданин скрывает свои криптоактивы, уклоняется от передачи доступа к криптокошельку финансовому управляющему, то это, конечно, можно расценить как недобросовестное поведение. Так, пароль от криптокошелька – очевидно необходимые сведения для включения криптовалюты должника в конкурсную массу и последующей реализации. Если будет принят судебный акт, которым будет установлен факт непредоставления необходимых сведений, то к гражданину не будут применены положения об освобождении от дальнейшего исполнения требований кредиторов, долги не будут списаны. Это, однако, очень общий механизм. Именно получить доступ к криптоактивам недобросовестного должника не представляется возможным, если сам должник не идет на встречу.

Как указывает Верховный Суд, «процедура банкротства не предназначена для недобросовестного ухода от ответственности по долгам и для незаконного прекращения обязательств перед кредиторами (пункт 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве). Законодательство о банкротстве позволяет освободиться от долгов только добросовестному гражданину-должнику, попавшему в затруднительное финансово-экономическое положение, открытому для сотрудничества с финансовым управляющим, судом и кредиторами и оказывавшему им активное содействие в проверке его имущественной состоятельности, определении состава его имущественной массы и соразмерном удовлетворении требований кредиторов» [8, п. 6].

Отдельно следует сказать об оценке криптовалюты. Курс криптовалюты постоянно колеблется, поэтому сложно определить её реальную стоимость, что справедливо отмечает Т.П. Шишмарева [4, с. 41-42]. На финансовом языке такая изменчивость обозначается термином волатильность. На данную проблему указывает и Т.М. Пугачева, отмечая, что «высокая волатильность криптовалютного рынка существенно затрудняет применение традиционных методов оценки имущества. Стоимость крипто-валюты может изменяться на десятки процентов в течение суток, что создает значительные риски как для кредиторов, так и для должника» [6, с. 226].

В настоящее время отсутствуют какие-либо нормы права, регулирующие вопросы оценки и определения стоимости криптовалюты.

Из данного правового пробела следует еще один аспект: в рамках процедур банкротства представляется сильно затруднительным реализовать на торгах криптовалюту должника. Кроме практической невозможности оценки, нет и подходящих электронных торговых площадок. В настоящее время у торговых площадок, занимающихся торгами в рамках банкротства, отсутствуют технические механизмы для продажи криптовалюты. Отдельные исследователи предлагают пути решения данной проблемы, указывая, к примеру, на необходимость создания специализированных площадок для реализации цифровых активов в процедурах банкротства либо интеграции существующих криптобирж в систему торгов по банкротству.

Как итог – на настоящем этапе цифровая валюта и ЦФА в определенной степени выпадают из правового поля, нет достаточных условий для выявления таких объектов, отсутствует возможность оценки и эффективной продажи таких объектов на привычных торгах, а также отсутствуют конкретные меры воздействия на недобросовестных должников, скрывающих свои активы.

Если затронуть вопрос включения объектов интеллектуальной собственности в КМ, то здесь необходимо иметь в виду, что интеллектуальная собственность – специфичный актив.

Отметим, что не всякий объект интеллектуальной собственности может быть включен в состав КМ должника, что объясняется по большей части нематериальным характером интеллектуальной собственности и неразрывной связью с личностью. Статья 1241 ГК РФ предусматривает основания перехода исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации к другим лицам без договора. Одно из таких оснований – это обращение взыскания на имущество правообладателя. В целом, эта правовая норма применима и к институту несостоятельности, когда правообладатель признан банкротом, так считает и Евстафьев И.Н. [9, с. 97].

В то же время в силу ст. 150 ГК РФ на некото-

рые результаты интеллектуальной деятельности (а вернее – права на них) не может быть обращено взыскание, они не могут быть включены в состав КМ и реализованы в ходе процедуры банкротства. Понятно, что, к примеру, произведение литературы само по себе, право авторства на него неотчуждаемо и непередаваемо, так как неразрывно связано с личностью автора. Но, кроме этого, в рамках процедур банкротства по общему правилу запрещен и переход исключительного права. Так, п. 1 ст. 1284 ГК РФ гласит, что «на принадлежащее автору исключительное право на произведение обращение взыскания не допускается, за исключением случая обращения взыскания по договору залога, который заключен автором и предметом которого является указанное в договоре и принадлежащее автору исключительное право на конкретное произведение» [10, п. 1 ст. 1284]. Аналогичные нормы, запрещающие обращение взыскания, содержатся в ГК в отношении принадлежащего исполнителю исключительного права на исполнение (п. 1 ст. 1319 ГК РФ) и на секретное изобретение (п. 6 ст. 1405 ГК РФ).

В отношении же отдельных результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации возможны переход права и включение их в состав КМ. В большей степени это относится к средствам индивидуализации. Так, в статье 110 Закона о банкротстве урегулирован порядок продажи предприятия должника. В силу пункта 3 статьи коммерческое обозначение, товарные знаки, знаки обслуживания должника, в отношении которого введена процедура банкротства, включаются в состав имущества (предприятия) должника при продаже.

Несмотря на принятие Федерального стандарта оценки «Оценка интеллектуальной собственности и нематериальных активов (ФСО XI)», утвержденного Приказом Минэкономразвития России от 30.11.2022 г. № 659, проблема оценки объектов интеллектуальной собственности остаётся достаточно существенной и до конца не решённой. А оценка, как известно, необходима для последующей продажи данных объектов и распределения вырученных средств между кредиторами.

Следует выделить также проблему, связанную с ноу-хау (секретами производства). При продаже таких объектов на торгах теряется сама идея их секретности, что недопустимо. А соответствующего правового регулирования ноу-хау в конкурсной массе законодательство о банкротстве не содержит. В отношении ноу-хау было бы логичным наличие в части 4 ГК РФ правовой нормы, аналогичной норме, запрещающей обращение взыскания на исключительное право на секретное изобретение.

Значительную специфику имеет включение заложенного имущества в состав конкурсной массы.

Оно включается в КМ, но занимает в ней особое место. Оно обособляется от иного имущества

и реализуется отдельно (абз. 2 п. 2 ст. 131, п. 7.1 ст. 16, абз. 6 п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве) [11].

Важно отметить, что требования залоговых кредиторов удовлетворяются в приоритетном порядке именно за счет стоимости предмета залога (ст. 138 Закона).

В контексте реализации залогового имущества возникает несколько вопросов. Так, распространенными являются ситуации, когда существует некое связанное между собой имущество, но одна часть является залоговым, а другая часть нет. К примеру, дом является предметом залога, а земельный участок, на котором расположен дом – нет. Можно ли в таком случае осуществлять продажу единым лотом? Ответ положительный, но с определенными оговорками. Абз. 3 п. 4 ст. 138 Закона о банкротстве закрепляет, что если реализация предмета залога осуществляется совместно с продажей иного имущества должника, то порядок и условия такой продажи не могут быть установлены без согласия конкурсного кредитора, требования которого обеспечены залогом реализуемого имущества.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в Определении от 20.11.2017 №305-ЭС16-10852(3) по делу № А41-21198/2015 подтвердила, что совместная реализация имущества должника, являющегося и не являющегося предметом залога, возможна, однако без получения письменного согласия залоговых кредиторов такая реализация недопустима. Также обязательным условием является выделение доли залогового кредитора в составе полученной выручки [12].

Как видим, между залоговыми и незалоговыми кредиторами может возникнуть определенный спор, однако Закон о банкротстве и судебная практика исходят из того, что реализация имущества единым лотом возможна. На наш взгляд, это объясняется общей целью использования имущества, реализуемого единым лотом, а также отвечает целям конкурсного производства. Такое объяснение усматривается и из судебных актов Верховного Суда.

Одной из общих проблем ипотечного обеспечения является отсутствие в ЕГРН сведений об объеме обязательства, обеспеченного залогом того или имущества. Лицо, приобретая заложенное имущество, полагается только на информацию, предоставленную залогодателем (продавцом имущества). При недостоверности такой информации взыскание убытков в случае банкротства продавца-залогодателя практически невозможно. В литературе справедливо указывается, что проблема ограниченности содержания ЕГРН должна быть решена на законодательном уровне [13].

Можно выделить определенную проблематику, связанную с взаимоотношениями с банками при обеспечении залогом обязательств по договорам об открытии возобновляемой кредитной

линии (договорам с лимитом задолженности). Кредитная линия предполагает предоставление займодавцем заёмщику денежных средств частями (траншами) в течение определённого периода.

Договор возобновляемой кредитной линии подразумевает, что для заёмщика установлен определённый предел долга, за который он не может выйти. При соблюдении лимита заёмщик вправе частями то погашать часть задолженности, то снова брать определённую сумму. При этом договорные отношения, по нашему мнению, не прекращаются. Поэтому такой договор и называют договором возобновляемой кредитной линии. Однако существуют различные мнения насчёт того, что происходит с правоотношениями, когда заёмщик полностью погашает задолженность, а затем снова принимает от займодавца определённую сумму. Эту проблему поднимает Т.А. Савельева [14]. Определённые авторы, например, Л.Г. Ефимова, считают, что, если заёмщик полностью погасил задолженность, то при новом получении транша обязательства прекращаются и возникают вновь [15, п. 10.7 гл. 10]. Мы рассматриваем правоотношения, вытекающие из договора кредитной линии, как основное обязательство. И обязательством, обеспечивающим это основное обязательство, вполне может быть залог. Если придерживаться мнения Л.Г. Ефимовой, то получается, что залог каждый раз прекращается и возникает вновь при выдаче нового транша, ведь согласно пп. 1 п. 1 ст. 352 ГК РФ залог прекращается с прекращением обеспеченного залогом обязательства. При банкротстве залогодателя это приобретает важное значение. В частности, возникает проблема, связанная с возможностью оспаривания сделок банкрота. Риск оспаривания увеличивается, так как он зависит, в том числе, от того, когда была совершена сделка.

Говоря о режиме залогового имущества, следует отметить вероятность недостоверности реестра кредиторов в делах о банкротстве залогодателей по «чужим долгам». В реестр включается сумма, соответствующая оценке предмета залога, хотя залоговый кредитор получит удовлетворение в другом размере, исходя из суммы от реализации предмета залога. При этом залоговый кредитор не пользуется правами обычного кредитора (участие в голосовании и т.п.) в том объеме, в котором его требования учтены как залоговые. Это создаёт определённые проблемы. В литературе предлагается использовать потенциал искусственного интеллекта и смарт-контрактов в кредитовании [16]. Представляется, что эти предложения были бы применимы и для целей включения в реестр требований залоговых кредиторов.

Выводы:

1. Неопределённость правового режима объектов, возникших в процессе цифровизации (цифровые финансовые активы, цифровая валюта), порождает практические проблемы в рамках института банкротства, а именно пробел отно-

сительно порядка выявления таких объектов у должника, их оценки (определение стоимости), порядка продажи. Требуется внесение изменений в Закон о банкротстве или принятие подзаконных правовых актов о механизме обеспечения доступа к криптокошельку.

2. Для решения проблемы, связанной с волатильностью (изменчивостью) криптовалюты, представляется целесообразным создание специализированных электронных торговых площадок для реализации цифровых активов.

3. Законом о банкротстве предусмотрен запрет продажи на торгах отдельных категорий объектов интеллектуальной собственности (исключительное право на произведение, исполнение, секретное изобретение), однако не разрешённым остается вопрос о реализации прав на ноу-хау (секрет производства) с учетом того, что секретность утратится в процессе торгов.

4. Несмотря на принятие Федерального стандарта «Оценка интеллектуальной собственности и нематериальных активов (ФСО XI)», утв. Приказом Минэкономразвития России от 30.11.2022 г. № 659, вопрос оценки интеллектуальной собственности не является до конца проработанным.

5. Анализ формирования конкурсной массы в части включения в нее заложенного имущества позволяет выделить проблемы, требующие решения:

- неопределённость судьбы залогового обременения имущества залогодателя при его банкротстве в рамках возобновляемой кредитной линии (в ситуации погашения кредита и возобновления кредитования) влияет на дату приоритета, сроки оспаривания и т.п.;

- для преодоления проблемы недостоверности реестра при залоге по «чужим долгам» предлагается использовать потенциал искусственного интеллекта и смарт-контрактов.

Список литературы:

- [1] Никонова М.Ю. Конкурсная масса должника: понятие, правовая природа и состав // Проблемы экономики и юридической практики. Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — 2016. — 3'2016. — С. 104-113.
- [2] Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование: научно-практическое пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2020. — 433 с.
- [3] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ: принят Гос. Думой 22 июля 2020 г. (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 16.07.2026).
- [4] Шишмарева Т.П. Криптовалюта в составе конкурсной массы несостоятельного должника // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2020. — 7/2020. — С. 37-43.

[5] Гартина Ю.А., Авдеев Н.В. Правовой статус цифровых активов в процедуре несостоятельности (банкротства) // Аграрное и земельное право. — 2025. — № 7. — С. 218-221.

[6] Пугачева Т.М. Криптовалюта в составе конкурсной массы при реализации процедуры банкротства физического лица. Продажа с торгов криптовалюты в рамках конкурсной процедуры // Юридическая наука. — 2026. — № 2 2026 [ЮН]. — С. 225-227.

[7] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 16.07.2026).

[8] О судебной практике разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2025 год: тематический обзор Верховного Суда РФ № 5/2026, утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 29 апреля 2026 г. № 7А/2026 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 16.07.2026).

[9] Евстафьев И.Н. Некоторые аспекты защиты интеллектуальной собственности при несостоятельности (банкротстве) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2024. — № 8 (август). — С. 96-101.

[10] Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4: федер. закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ: принят Гос. Думой 24 ноября 2006 г. (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп. вступ. в силу с 04.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 16.07.2026).

[11] О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ: принят Гос. Думой 27 сентября 2002 г. (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 16.07.2026).

[12] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.11.2017 №305-ЭС16-10852(3) по делу № А41-21198/2015. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 16.07.2026).

[13] Савельева Т.А. Некоторые аспекты залога вещей // Правовые проблемы укрепления Российской государственности: Сборник статей. — Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. — 2025. — С. 28-30.

[14] Савельева Т.А. Договор об открытии кредитной линии: возможные правовые модели, влияние квалификации на интересы заемщика и лиц, предоставивших обеспечение // Закон и власть. — 2025. — № 9. — С. 97-102.

[15] Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г., Ефимова Л.Г. Частное банковское право: учебник. — М.: Проспект, 2020. — 776 с.

[16] Савельева Т.А. Использование потенциала искусственного интеллекта и смарт-контрактов при ипотечном кредитовании // Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах, Казань, 20 сентября 2024 года.

— Казань: Издательство «Познание», 2024. — С. 101-113.

References:

[1] Nikonova M.Yu. The debtor's bankruptcy estate: concept, legal nature, and composition // Problems of Economics and Legal Practice. Business in Law. Economic and Legal Journal. — 2016. — No. 3. — P. 104-113.

[2] Popondopulo V.F. Bankruptcy. Legal Regulation: A Scientific and Practical Guide. — 2nd ed., revised and supplemented. — Moscow: Prospekt, 2020. — 433 p.

[3] On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ dated July 31, 2020: adopted by the State Duma on July 22, 2020 (as amended on Dec. 15, 2025, and Jan. 20, 2026) // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: July 16, 2026).

[4] Shishmareva T.P. Cryptocurrency as part of the bankruptcy estate of an insolvent debtor // Bulletin of the O.E. Kutafin University. — 2020. — No. 7. — P. 37-43.

[5] Gartina Yu.A., Avdeev N.V. Legal status of digital assets in insolvency (bankruptcy) proceedings // Agrarian and Land Law. — 2025. — No. 7. — P. 218-221.

[6] Pugacheva T.M. Cryptocurrency as part of the bankruptcy estate during individual bankruptcy proceedings. Sale of cryptocurrency at auction within the framework of bankruptcy proceedings // Legal Science. — 2026. — No. 2 2026 [UN]. — P. 225-227.

[7] Resolution of the Ninth Commercial Court of Appeal dated May 15, 2018, No. 09AP-16416/2018 in Case No. A40-124668/2017. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (accessed: July 16, 2026).

[8] On Judicial Practice Regarding the Resolution of Insolvency (Bankruptcy) Disputes in 2025: Thematic Review by the Supreme Court of the Russian Federation No. 5/2026, approved by the Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 29, 2026, No. 7А/2026 // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: July 16, 2026).

[9] Evstafyev I.N. Certain Aspects of Intellectual Property Protection in Insolvency (Bankruptcy) // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. — 2024. — No. 8 (August). — P. 96-101.

[10] Civil Code of the Russian Federation, Part 4: Federal Law No. 230-FZ dated December 18, 2006; adopted by the State Duma on November 24, 2006 (as amended on July 23, 2025) (with amendments and additions entering into force on January 4, 2026) // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: July 16, 2026).

[11] On Insolvency (Bankruptcy): Federal... Law No. 127-FZ of October 26, 2002: adopted by the State Duma on September 27, 2002 (as amended on April 9, 2026) // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: July 16, 2026).

[12] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 20, 2017, No. 305-ES16-10852(3) in Case No. A41-21198/2015. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (accessed: July 16, 2026).

[13] Savelyeva T.A. Certain aspects of the pledge of chattels // Legal Problems of Strengthening Russian Statehood: Collection of Articles. — Tomsk: National Research Tomsk State University. — 2025. — P. 28–30.

[14] Savelyeva T.A. Credit line agreement: possible legal models, impact of legal characterization on the

interests of the borrower and the providers of security // Law and Power. — 2025. — No. 9. — P. 97–102.

[15] Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G., Efimova L.G. Private Banking Law: Textbook. — Moscow: Prospekt, 2020. — 776 p.

[16] Savelyeva T.A. Utilizing the potential of artificial intelligence and smart contracts in mortgage lending // Digital Technologies and Law: Collection of Scientific Papers of the 3rd International Scientific and Practical Conference. In 6 volumes, Kazan, September 20, 2024. — Kazan: Poznanie Publishing House, 2024. — Pp. 101–113.